

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ

«ЛОТОС»

*

Ассоциация писателей стран Азии и Африки присудила Международные литературные премии «Лотос». На IV конференции писателей стран Азии и Африки в Дели состоится церемония вручения премий лауреатам.

Премий «Лотос» 1969 года удостоились выдающийся прозаик Демократической Республики Вьетнам То Хоай, крупнейший новеллист Южной Африки, активный деятель антирасистского движения Алекс Ла Гума, талантливый арабский поэт Израиля, борец за справедливые права народа Палестины Махмуд Дервиш.

Премии «Лотос» за 1970 год присуждены известному поэту и деятелю освободительной борьбы народа Анголы Агостиньо Нето, виднейшей поэтессе Советского Узбекистана Зульфий, выдающемуся индийскому поэту-патриоту Хариваншраю Баччану.

Редакция посвящает этот раздел лауреатам премий «Лотос».

*

ТО ХОАЙ

ЛЕГКО на нескольких страничках уместить рассказ о То Хоае, чья писательская судьба сложилась столь счастливо, что двад-

цати лет от роду он занял одно из ведущих мест во вьетнамской прозе, тридцати пяти лет был удостоен Первой национальной премии литературы, а к нынешнему году, когда ему исполнилось пятьдесят, стал и обладателем трех международных премий.

В жизни его немало парадоксов. Выходец из бедной семьи кустика-ткача, оставивший из-за нужды школу, он стал одним из образованнейших людей страны... Человек по натуре тихий и мягкий, он проявил завидную стойкость духа и мужество, когда принимал участие в подпольных организациях и — потом — попал в застенки колонизаторов... Исконный житель равнины, он прикипел сердцем к горам Севера, утопающим в зеленом море джунглей, и живущим там отважным людям со своеобразным говором, укладом быта и образом мысли; именно о них, о горцах, написал он свои книги... В юности силой воображения обратив лежащий за околицей его деревни маленький луг в целый мир с различными «государствами» и «племенами», он смело вышел затем в настоящий огромный мир и с поразительной точностью отобразил необычность природы

в чужих землях и своеобразие дальних народов...

Ну а свою родную землю он знает как немногие. И немудрено: ведь еще до революции 1945 года он исколесил ее в поисках заработка; потом, в годы Сопротивления¹, прошел партизанскими тропами весь горный Север. Да и после того как в 1954 году на землю республики пришел мир, он накрутил не одну сотню километров по ее дорогам на своем издавшем виде велосипеда и на «Газике» Союза писателей. А когда через десять лет Соединенные Штаты развязали против Севера воздушную войну, он снова пустился в путь по дорогам, ставшим в этой войне линиями фронта, и на страницах газет и журналов появляются его военные очерки и рассказы.

В рабочей комнате То Хоая над столом (рядом с которым вырыто убежище-ячейка) прибиты книжная полка. На ней стоят его книги — четыре с лишним десятка — старые, вышедшие до революции в частных издательствах; повести и рассказы, отпечатанные на толстой серой бума-

¹ Имеется в виду война Сопротивления против французских колонизаторов 1946—1954 годов.

ге в лесных типографиях в годы Соппротивления; объемистые тома и яркие детские книжки последних лет. Рядом — его вещи, изданные за рубежом на многих языках: русском, молдавском, литовском, французском, бирманском, китайском, чешском...

На столе, прижатая замысловатым резным пресс-папье, стопка деловых бумаг и писем: То Хоай сейчас работает заместителем генерального секретаря Союза писателей. Он к тому же еще и председатель Ханойского городского отделения Ассоциации литературы и искусства и руководитель комиссии по детской литературе. И хотя сам То Хоай любит подшучивать над своим «обюрокрачиванием», работает он с охотой. Раз-два-три в неделю уезжает по утрам к Западному озеру, в Ханойский пригород. Здесь, в доме творчества Союза писателей, идут занятия литературных курсов, собиравшихся и в военные годы. То Хоай читает молодым литераторам лекции, вместе с другими ведущими писателями руководит учебной работой. Идет речь о том, чтобы на базе курсов открыть в Ханое литинститут, и, говорят, То Хоай будет его директором...

Но главное — это, конечно, творчество. Только что отправлена в набор рукопись романа «Затерянный остров», созданного по мотивам средневековых преданий, и закончена книга о Хоанг Ван Тху, герое революционного освободительного движения (кстати, над нею То Хоай работал в доме творчества в Ялте, когда приезжал в прошлом году в Советский Союз), а на столе уже лежат исписанные крупным угловатым почерком страницы новой книги...

Абсолютный слух — не только одно из слагаемых одаренности музыканта. В каком-то ином смысле абсолютный слух — это и качество писательского таланта: умение расслышать и запечатлеть на бумаге музыку родного языка и ритмику речи, найти то единственное, верно звучащее слово, которое ляжет в сложную гамму фразы. Надо еще уметь, что вьетнамский язык тональный: в нем шесть различающихся по высоте и модуляции звука тонов, сочетанием которых можно добиться и в прозе мелодического звучания и эмоциональной окраски. И в этом смысле То Хоай наделен абсолютным слухом. Не случайно в послесловии именно к его книге Нгуен Туан², один

из лучших во вьетнамской литературе стилистов, подчеркивал, что писатель должен обладать строем чувств и видением мира композитора и живописца. Проза То Хоая необычайно живописна. У него точное чувство цвета и композиции, и он всегда умеет найти и выделить — в пейзаже ли, или в портрете — ту основную деталь, которая у художника стала бы главной точкой картины. Может быть, именно поэтому при чтении его книг чувство читательского соучастия, сопереживания бывает весьма отчетливым. Он вводит нас в мир своих героев, и мы надолго запоминаем этот мир и населяющих его людей.

Я думаю, одна из причин популярности То Хоая в том, что знакомство с ним начинается с детства — со сказок, и потом уже, достигая зрелого возраста, люди привычно считают его «своим» и легко переходят к «серьезным» его книгам. Признаться, читая веселые и мудрые его сказки, я поймал себя на той же мысли, которую высказал Владимир Солоухин, большой друг То Хоая и почитатель его таланта, жалевший, что его сказки не попались ему в детстве, ибо такие книги согревают потом всю жизнь, как яркое радостное событие.

Здесь невозможно заняться разбором всех написанных То Хоаем книг. Я хочу сказать лишь об одном: об эволюции его героев. С первых же повестей и новелл в центре его внимания были простые люди, деревенские труженики, чью жизнь искалечили бесчеловечность и несправедливость колониального строя. Но изображал он их страдательно, пассивно, лишенными воли к борьбе. Позднее он и сам осознал это.

«Я ошибался, — писал То Хоай в 1961 году, предвзято переиздавая одну из старых своих книг. — Нет, жизнь не замерла здесь, не погибла. Я не раз возвращался потом туда, где жила прежде. Каково там сейчас? Ну что ж, мертвых не воскресить. Многие, очень многие умерли. И над телами тех, кто умер в

тоске и горе, не осталось и могильных холмов. Я встретил и многих оставшихся в живых. Страшное прошлое тяжело легло на их согбенные плечи, усталостью и печалью сковало сердца. Гнев ощутил я, гнев и ненависть!.. Но сколько же я повстречал и таких людей, что поднялись совершить революцию! Их, как и меня самого, революция, переменившая и обновившая все вокруг, подхватила и вознесла выше... Да, душа человеческая полна чаяний, надежд и затаенных бурь — полна могущественных сил, о которых я тогда не знал».

Эти вознесенные революцией люди стали героями его книг: солдаты и партизаны, подпольщики и рабочие, врачи и кадровые работники партии. Но подлинный герой последних книг То Хоая — это новизна: новый уклад жизни, новые характеры. Пожалуй, не будет преувеличением сказать, что То Хоай находится в постоянном поиске нового. Именно в этом его умении увидеть и раскрыть новые стороны жизни, осязаемые уже сегодня черты будущего кроется еще одна из причин популярности его книг.

Поиски нового характерны для То Хоая и в области художественной формы. Если дебютировал он в свое время как новеллист и автор коротких повестей, ныне главное место в его творческих интересах занял роман. Возражая сторонникам теории так называемой смерти романа, То Хоай подчеркивал, что роман и в наши дни является одной из самых емких форм художественного отображения действительности и что, привнеся в роман избирательные приемы других жанров искусства, таких, как драматургия и кино, пользуясь эмоциональными и формальными средствами поэзии, писатель мог бы, напротив, открыть перед романом новые перспективы. И лучшим аргументом в этом споре оказываются сами романы То Хоая. Успешно выступил он и в таком новом для вьетнамской литературы жанре, как кинодраматургия: по его сценариям снято несколько фильмов — игровых и рисованных. В детских театрах шли его сказочные пьесы.

Советский читатель довольно хорошо знаком с творчеством То Хоая. Вот статистика: книги его издавались у нас 11 раз на шести языках, общий тираж их — около полумиллиона экземпляров.

Но есть у То Хоая две книжки, нашему читателю еще неизвест-

² Нгуен Туан (род. в 1909 году) — выдающийся прозаик и публицист; в годы войны Соппротивления был генеральным секретарем созданной в партизанском крае Ассоциации культуры; ныне член Правления Союза писателей Вьетнама; ему принадлежат превосходные переводы новелл Чехова, статьи о Чехове, Л. Толстом, очерки о Советском Союзе.

ные, — это очерки о советской стране «Город Ленина» и детская повесть «Чайка» о героизме защитников Одессы и нынешних ее трудовых буднях. Читая эти книжки, я поражаюсь тому, с какой глубиной и точностью увидел он главное в жизни нашей страны — мощь созидательного труда, оптимизм и устремленность в будущее советских людей. На это способен лишь настоящий, истинный друг. И мне бы хотелось закончить этот рассказ о То Хоае словами из его книги «Город Ленина»: «Самое ценное достояние советской страны и бо-

гатство советских людей — это их безграничная духовная щедрость, благородство и возвышенность их стремлений, которые, преодолевая материки и границы, приходят ко всем людям труда, ко всем друзьям, всем народам мира».

М. ТКАЧЕВ

Мариан Николаевич Ткачев (род. в 1933 году) — писатель и литературовед-вьетнамист, автор ряда книг — переводов классической и современной вьетнамской прозы. С 1970 года — заведующий Отделом литератур стран Азии и Африки Иностранной комиссии Союза писателей СССР.

ТО ХОАЙ

Самаркандские пеликаны

РАССКАЗ

ДНАЖДЫ дела привели меня весной в старинный город Самарканд на древней Шелковой дороге, что ведет из Азии в Европу.

В самом центре города раскинулся огромный базар. Под его высокими арками шумел и переливался людской поток. В тени затейливо изогнувшихся шелковичных деревьев приоткрылись широкие дощатые настилы на четырех ногах-подпорках. На этих настилах восседали, скрестив ноги, старики-узбеки в черных тюбетейках. На лицах их, подурмяненных солнечным жаром, белели усы и бороды, а глаза блестели не по возрасту живо и весело. Старики неторопливо прихлебывали крепкий зеленый чай и распевали песни, протяжные, как посвист ветра.

А на крыше базара под высокими сводами арок и в расщелинах старой каменной кладки, над головами людей хлопотал неисчислимый птичий народ.

Вот из большого гнезда высунулись растрепанные пеликаны головы. Глаза у птиц открыты только наполовину и вид — как у всех вообще пеликанов — такой, будто они очень не прочь вздремнуть.

Наконец пеликаны встали, расправили крылья и принялись постепенно перелетать от гнезда к гнезду, навещая друзей и со-

седей. Легонько взмахивая крыльями, они беседовали и шутили, точь-в-точь как люди внизу на улице.

А вокруг вились по столбам и навесам лиловые и белые цветы, цветущие персиковые сады тянулись до самого горизонта. Весна глядела яркой зеленью из трещин глинобитной крепостной стены, с крыш дворцов; помолодели ветви старых шелковиц с шероховатыми — в обхват — стволами.

В пригородных колхозах уже готовили землю под хлопок. И тракторы с боровами деловито бороздили поля, расстилавшиеся кругом, словно застывшее море.

Пеликаны — белорудые, темнospинные — ужасно довольные собой, все летали и летали по небу, и крылья их напоминали дикийвинные колеса, катящиеся куда-то в синеве весны.

И тут я увидел в одном из гнезд Пеликаниху. Она уставилась на меня, удивленно моргая глазами.

Я и сам удивился: чего она сидит в гнезде среди бела дня? У нас, во Вьетнаме, пеликанов только и видишь, что на полях, залитых водой.

В Тхюи-ане¹, где воды моря сливаются с небом, пеликаны

стоят, приподняв крылья и окаменев в молчании. Но молчанье их и неподвижность на самом деле полны трепетного, волнуемого ожидания. Огромный клюв пеликана нацелен на беззаботно плывущую мимо рыбу. Мгновение — и казавшийся спящим пеликан уже держит рыбку в клюве!..

— Здравствуйте, Пеликаниха! — сказал я.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой гость, — отвечала она. — Добро пожаловать в древний Самарканд. По душе ли вам наша самаркандская весна?

«О, весна в Самарканде прекрасна!» — подумал я, вспоминая, что не прошло и недели, как я прилетел сюда из другой весны, осыпанной персиковым цветом деревьев в Нгиало². И мне захотелось рассказать Пеликанихе о том, как, расставшись с цветущими персиками Нгиало, я счастлив увидеть их вновь в Самарканде. Выходит, на целой половине земного шара, которую я пересек, царит весна...

— Скажите, — обратился я к Пеликанихе, — много ль вы сами видели весен?

— Да уж и не припомню...

— И каждый год вы встречаете весну здесь, на колхозных полях?

— Нет.

— Где же вам довелось побывать?

— О, во многих местах.

— Ну, до Восточного моря³ вы, небось, не добирались? — снова спросил я.

— Добралась и туда, — важно промолвила Пеликаниха.

— А может, вы были и во Вьетнаме?

— Бывала.

— Честное слово? — изумился я.

— Кто ж не стремится теперь побывать на славной вьетнамской земле! — отвечала она, кивая головой.

— Не заглянули ли вы в наши края — туда, где я родился?

— Нет. Этой зимой я была на прибрежных полях в Тхюи-ане. Знаете, я ведь видела школу Тхюи-зана⁴.

² Нгиало — город в горах Тэйбака — автономного национального округа на северо-западе ДРВ.

³ Восточное море — старинное название Тихого океана и его прибрежных морей.

⁴ Тхюи-зан — населенный пункт в ДРВ, где американские реактивные самолеты совершили налет на школу. Среди учеников и педагогов имелись жертвы.

¹ Тхюи-ань — район ДРВ на побережье Тонкинского залива.

— Да-а, ужас, ужас!
— И я видела, как все города и деревни Вьетнама поднялись — плечо к плечу, — чтоб отомстить за малышей из Тхюн-зана, и повсюду загорались и падали с неба черные американские самолеты. А по весне я воротилась в Самарканд. Мы от самого берега Восточного моря — через Индию — летели сюда, в Среднюю Азию. Не знаю даже, сколько мы миновали стран. Ведь живая земля — не карта, и границу на ней не нарисуешь. Повсюду есть реки, леса и горы, поля и деревни.

Она задумалась, поморгала глазами и сказала:

— Пожалуй, мы нынче вернулись в Самарканд с запозданием. Я всего дня три как здесь. Больно уж хорошо начиналась весна во Вьетнаме. А вы, дорогой гость, должно быть, недавно из Вьетнама?

— Да, — отвечал я.

... Когда вы теперь увидите пеликаньи стаи, прилетающие на зиму к нам, на залитые водою поля, — знайте, бывает всякое: может, вы попадете весной в Среднюю Азию и повстречаете знакомых пеликанов на плоских самаркандских крышах.

Что до меня самого, то, приметивши в поле пеликана, я теперь так и думаю: он из Самарканда.

... Пеликаны, мудрые, бывалые путешественники; с наступлением холодов они улетают на юг, а едва пригреет весеннее солнце, вновь возвращаются в северные земли.

*Перевел с вьетнамского
Мариан Ткачев*

АЛЕКС ЛА ГУМА

ИЗВЕСТНЫЙ южноафриканский писатель Алекс Ла Гума родился в Кейптауне в 1925 году. Он уроженец «цветных» кварталов Кейптауна, сын Джимми Ла Гумы — одного из первых южноафриканских коммунистов. Уже в ранней юности Алекс включился в освободительную борьбу. С начала 50-х годов он активный участник народных выступлений против расизма, автор гневных публицистических статей в прогрессивных органах печати — журнале «Файтинг ток» и

газете «Нью-Эйдж». Не раз Ла Гума подвергался репрессиям, много месяцев провел в тюрьмах. А в 1962 году его приговорили к пяти годам домашнего ареста. Произведения писателя и даже упоминание в печати его имени запрещены в Южной Африке.

Это не случайно. Все, что вышло из-под пера Ла Гумы, посвящено одной теме — борьбе африканского народа за свои права. Три его повести — «Скитания в ночи» (1962), «И нитка, втрое скрученная» (1964), «Каменная страна» (1967), а также цикл рассказов получили широкое признание среди передовых людей в ЮАР и далеко за ее пределами.

Писателю удалось вырваться из лап расистского правительства. Он снова активно окупился в общественную деятельность, принял участие в Третьей конференции писателей Азии и Африки в Бейруте, приезжал в СССР на IV съезд советских писателей и на празднование 50-летия Октября.

Ла Гума — друг Советского Союза, и миллионы советских читателей платят ему взаимностью. Все произведения Ла Гумы переведены в СССР и печатались массовыми тиражами.

АЛЕКС ЛА ГУМА

Портрет в гостиной

КНО глядело на глухой задний дворик, где на веревках сохло белье. Осевшая калитка в заборе вела в проулок. В заставленной мебелью крошечной гостиной даже летом было прохладно и сумрачно. От кружевных занавесок на потертую кушетку, коврик из шкуры лани, вышитые салфетки на спинках стульев ложились узорчатые тени. На бамбуковой этажерке среди скопления викторианских безделушек красовались чучела двух попугаев под стеклянными колпаками. Таков был дом моей бабки, приютившей нас.

Призрак королевы Виктории витал во всем доме, ибо там безраздельно царил бабушка. Она старалась казаться строгой, но круглое лицо лучилось добротой. Седеющие волосы были собраны в тугую узел.

На стене в гостиной в золоченой рамке висела большая старинная фотография моего деда. Внимательные и строгие глаза неотступно следили за на-

ми, белые бачки топорщились, густая борода покоилась на высоком валу крахмального воротничка.

Деда, бабушкиного мужа, я не застал в живых. По рассказам, в молодости бабушка была красавицей — яванская кровь предков давала себя знать. Она служила горничной в здании парламента Капской колонии, и один видный депутат добивался ее любви, но она отдала предпочтение плотнику-шотландцу и родила ему дочку — мою мать.

Мать работала на табачной фабрике, отец занимался профсоюзной работой. Я же был мальчишкой, обожавшим оловянных солдатиков и ненавидевшим парикмахеров, и почти все время торчал в гостиной, ведя игрушечные баталии под неусыпным надзором деда и бабушки. Бабушка, которую все мы называли не иначе как мама, обкармливала меня мороженым с имбирной шипучкой — лакомством, к которому и сама она была равнодушна.

В гостиной висел еще один портрет. Мужчина в простой матерчатой кепке и скромном костюме стоял на мощенной булыжником набережной. За его спиной высились какие-то башни. Одна рука засунута в карман брюк. Казалось, что он пристально вглядывается в будущее. В отличие от деда, у этого человека не было ни высокого воротничка, ни седых бакч — самая обычная сорочка и бородка клинышком.

Я еще не знал, кто этот человек, но по тому, как бережно домашние протирали стекло и рамку, заключил, что портрет этот висит здесь не случайно.

И вот однажды я спросил у бабушки:

— Кто этот дядя на картинке?

— Твой отец привез эту картинку из России — далекой-далекой страны, — ответила бабушка со своего «трона» на кушетке. — Это очень нужный человек. Не пролей шипучку — я только что пол натерла!

— А что такое нужный человек? — помню, спросил я.

— Тот, кто делает добро. Пусть тебе родители объяснят — они лучше знают.

Отца я видел редко. Он все время пропадал на каких-то митингах. Я обратился к матери. Она сказала, что Ленин изменил жизнь русских, покончил с бедностью и нищетой и что мой отец — ученик Ленина.

— А русские к нам сюда собираются?

— Нет, — ответила мама, — но отец и другие люди, которые учатся у Ленина, укажут простому люду нашей страны путь к счастливому будущему.

— И тогда у всех детей будет столько хочешь мороженого с шипучкой?

— Правильно! — подтвердила мама.

И пока мы жили в этом доме, перед нами всегда стоял человек в скромном костюме и матерчатой кепке, взгляд которого был устремлен в будущее. Отец вел свои нескончаемые битвы, руководил бастующими, выступал на митингах. Помню, я видел его под красным знаменем с серпом и молотом. Потом его посадили в тюрьму. Когда срок кончился, мы пришли встречать отца к воротам тюрьмы, и я его не узнал — так изменила лицо борода. Только побрившись, отец вновь стал самим собой. Все время в доме говорили и спорили об учении Ленина. Ка-

залось непостижимым, удивительным, что идеи человека с портрета на стене могут вызывать такие споры здесь, на другом конце света.

Я вырос, окончил школу, а портрет все висел на прежнем месте. Пришло и мне время ходить на митинги, участвовать в маршах и демонстрациях. Я купил кожаную куртку и матерчатую кепку, мне нравилось романтическое слово «революционер». Я вступил в комсомол, и отец подробно растолковал мне, какая это честь и ответственность — быть коммунистом. Комсомольцы изучали труды Ленина и спорили с юношеским задором. Мы раздавали листовки и брошюры жадным до знаний обитателям трущоб. Мы не только постигали ленинские идеи, но уже и проповедовали их. Наверное, я был неплохим комсомольцем, потому что вскоре меня приняли в коммунистическую партию.

Когда к власти в нашей стране пришло националистическое правительство, компартия была объявлена вне закона. Многие мои сверстники удалились тогда с политической арены. Остались самые стойкие. Полиция травила коммунистов, врывается в дома, уводит на допросы. Мы прятали книги и листовки на чердаках, в подвалах, зарывали в саду. Но портрет Ленина все висел в гостиной.

Когда я женился, среди свадебных подарков, полученных от отца, был и этот портрет. Я повесил его в нашем новом доме. Не раз меня и мою жену сажали за решетку, но портрет оставался на прежнем месте. Думаю, что полицейские по невежеству и глупости не узнавали изображенного на нем человека.

Наши маленькие сыновья часто смотрели на портрет и называли человека «дядя Ленин», как и я сам в детстве.

Когда нас вынудили покинуть родную землю, мы смогли увезти в изгнание лишь самое необходимое. Портрет был упакован в ящик с книгами, одеждой и домашней утварью.

Теперь мы живем в Лондоне, вдали от родины. Портрет Ленина, который подарили отцу в Москве в 1927 году, снова висит на стене в гостиной. Тот же портрет, в той же рамке, тот же человек в скромном костюме и матерчатой кепке, пристально вглядывающийся в будущее.

Недавно мой девятилетний

сын, сидя в кресле, задумчиво и долго смотрел на портрет, а потом сказал лукавым, звонким голосом:

— В школе нам задали приготовить выступление на волнующую тему. Скоро моя очередь.

— Какую же тему ты выбрал? — спросила жена.

— Я буду говорить о Ленине, — ответил сын.

МАХМУД ДЕРВИШ

СРЕДИ лауреатов Международной премии «Лотос» за 1969 год — арабский поэт и общественный деятель, член Коммунистической партии Израиля Махмуд Дервиш.

Он родился в 1940 году в городе Хайфе. Уже первый сборник поэта «Листья оливы», вышедший в 1964 году, вызвал большой интерес у ценителей поэзии на Арабском Востоке. Их подкупали искренность, страстность поэтического голоса Махмуда Дервиша, его способность воссоздать сложный внутренний мир молодого арабского интеллигента — свободолюбца и интернационалиста, активного участника прогрессивных общественных движений нашего времени.

Последующие сборники Махмуда Дервиша «Палестинский возлюбленный» (1966), «Конец ночи» (1967) укрепили за ним славу поэта-публициста, муже-

ственного борца за мир для всех народов Ближнего Востока, за справедливые права палестинских беженцев.

МАХМУД ДЕРВИШ

Матери

Горю! Сердце взято в тиски.
Горю! Из пожара тоски
к тебе, словно лотос, тянусь,
из пожара тоски —
к ласке твоей руки.
Больней всего убивает грусть.
Где скрыться душе
от ее погоня?
Страшно в клетке грудной
одной
за реберной стенкой тонкой.
Я ранен каменной тишиной
в сердце,
раскрытое, как у ребенка.
Как больно горем его обожгло.
Что поделаю, бедное?
Но взмахнуло над сердцем
крыло
материнское, белое.

Если вернусь, мной
растопи очаг.
Ветер по сердцу,
как бритва.
Пустыню и мрак
носил бы в очах,
в крошечных ночах
душой бы зачах,
если бы не твоя молитва.
Я поседел,
я смерть пережил,
словно последнюю песню сложил
мой соловей.

Звезды детства
верни и свей
гнездо для меня
на одной из ветвей,
чтобы смог я
с птенцами родных кровей
по праву брата
на путь возврата
взлететь из гнезда
надежды твоей.

*Перевел с арабского
Георгий Ашкинадзе*

АГОСТИНЬО НЕТО

КРУПНЕЙШИЙ современный ангольский поэт и политический деятель Агостиньо Нето родился 27 сентября 1922 года в Кашикане (Ангола). Получив медицинское образование в Порту-

галии, он вернулся на родину и стал работать врачом. Стихи начал писать, будучи студентом.

Агостиньо Нето был одним из создателей культурно-просветительных и политических организаций в Анголе. За активную антиколониальную деятельность неоднократно подвергался репрессиям.

В июле 1962 года бежал из тюрьмы и с тех пор является бессменным председателем партии Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), которая руководит революционной борьбой ангольского народа.

В стихах Агостиньо Нето, опубликованных во многих странах, на различных языках, перед людьми впервые предстала истинная трагическая картина жизни ангольского народа, еще так недавно закованного в цепи рабства, ныне борющегося за свою свободу и человеческое достоинство.

На русском языке стихи Агостиньо Нето неоднократно публиковались в журналах и сборниках «Стихи поэтов Африки» (1958), «Взглядом сердца» (1961), «Здесь и трава родится красной» (1967). В 1970 году в «Библиотеке «Огонька» вышел его сборник «С сухими глазами».

Большой друг Советского Союза, Агостиньо Нето не раз был гостем нашей страны.

АГОСТИНЬО НЕТО

Мы должны вернуться

К нашим знойным полям,
К золотым берегам океана
Мы должны вернуться.
К нашим землям исконным,
К землям, красным от кофе,
Землям, белым от хлопка
И зеленым от кукурузы,
Мы должны вернуться.

К россыпям наших алмазов,
К нашему золоту, меди и нефти
Мы должны вернуться.
К нашим рекам и синим озерам,

К нашим джунглям,
Горам и долинам
Мы должны вернуться.
К матери нашей прекрасной,
Родине нашей Анголе
Мы должны вернуться.

В свободную Анголу,
В независимую Анголу
Мы должны вернуться!

*Перевел с португальского
Евгений Долматовский*

ЗУЛЬФИЯ

И МЯ ВИДНОЙ советской поэтессы Зульфийи широко известно не только у нее на родине — в Узбекистане, ее стихи любят по всей нашей стране, переводят на языки народов мира.

Зульфия родилась в 1915 году в семье ремесленника. Ее юность совпала с молодостью Советской власти в Узбекистане, когда рушился вековой феодальный уклад в семье и обществе. Ей не пришлось испытать горькую судьбу восточной женщины до революции. Она училась в советской школе, затем в педагогическом техникуме, где ей открылся мир поэзии.

В 1932 году поэтесса выпускает свой первый поэтический сборник «Страницы жизни». С того времени Зульфия опубликовала большое количество стихотворных книжек, среди которых «Песни девушек», «Близкие моему сердцу», «Мои стихи», «Совет жизни» и другие. Она переводит на родной узбекский язык произведения Лермонтова и Некрасова, С. Щипачева и В. Инбер, а также индийских поэтов.

«Жизнь моей подруги, сверстницы, простой узбекской женщины, все время волнует меня, требует поэтического выражения. И все, что я сама не смогла пережить и перечувствовать, все радости, горести, счастье и печали — все несет в себе моя героиня — прекрасная, умная, полная любви и силы, нежная и верная узбекская женщина», — пишет о

своем творчестве Зульфия. Поэтесса отдаст много сил общественной работе. Она депутат Верховного Совета Узбекской ССР, член Советского комитета по связям писателей стран Азии

и Африки, член Совета Международной демократической федерации женщин, главный редактор журнала «Саодат». Зульфия — лауреат Международной премии имени Джавахарлала Неру.

ЗУЛЬФИЯ

Мушоира

ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ

Уже пришла вечерняя пора,
Сошла жара.
Идите к нам: у нас мушоира¹,
Мушоира!
Здесь близким друг становится далекий,
Здесь праздник мастерства,
Здесь рифмы соревнуются, и строки,
И чувства, и слова...
Моя подруга, соловей Пенджаба,
Своим стихом вторгается в сердца.
Пусть нежен стих — нет, не звучит он слабо,
В нем сила матери и честь борца...
Читал стихи Вьетнам, читал Непал,
Читал таджик, и русский друг читал.
Чем были строфы ярче, задушевней,
Звенели чище и напевней,
Тем становились ближе нам, сродни,
Сливались в карту Азии они
И Африки, великой, древней.
И ветры, вырывая из сердец
Созвучья, уносили их далеко,
И Запад к миру звал певец
И счастье возвещал земле Востока...
Друзей и близких славный круг
Уже в моей душе все шире, шире.
Сын Африки запел о мире,
И я почувствовала вдруг,
Как много вынес он, надеясь и страдая.
В боренье закалив слова свои.
И потому в глазах горит любовь святая,
Что солнце у него в крови...
Ты — весть о хлебе, благе и покое,
Не шутка, не игра —
Ты жизнь сама! Входи во все живое,
Мушоира!
Ты всех зовешь, кто строит, пашет,
Отбойный поднимает молоток,
Захочет — землю тканью опояшет,
Кто суть поэзии, душа ее, исток.

¹ Мушоира — состязание поэтов.

Они творят в ином, прекрасном роде.
 Стихи не часто входят в их жилье;
 Их книги — жаркая любовь к свободе,
 Их вдохновение — битва за нее.
 Пусть примут все, кто трудится, участие
 В соревнованье наших голосов:
 Пусть все, кто сест, все, кто строит счастье,
 Услышат этот зов.
 Друзья, поэзии живой и дерзновенной
 Пусть блещет всюду огненный накал,
 Чтоб мирный человек владел вселенной,
 Чтоб только миру песни он слагал.
 Друзья, идите к нам под сень шатра,
 Под сень добра.
 Идите к нам! У нас мушюпра,
 Мушюпра!

Перевел с узбекского
 Семен Липкин

ХАРИВАНШРАЙ БАЧЧАН

ХАРИВАНШРАЙ Баччан родился в 1907 году в городе Аллахабаде, одном из «самых индийских» городов. Поэзией он увлекается с ранних лет. И это увлечение приводит его в Аллахабадский университет, на кафедру литературы хинди, где Баччан самозабвенно отдается изучению отечественной и европейской поэзии. Но молодой студент на вре-

мя бросает университет, вступив в ряды наиболее активных участников движения несотрудничества с колонизаторами, возглавляемого Ганди. Настоящая слава большого поэта пришла к Баччану в 1933 году, когда он выступил на традиционном вечере поэзии — «кави-саммелан» в Бенаресском университете.

Сборники стихотворений поэта раскупались буквально сразу по выходе из типографии. Его песни облетали всю страну, их пели все, от мала до велика, потому что они были понятны тысячам индийских тружеников, отражали их боль и радость, горе и надежды.

В 1952 году Баччан уезжает в Англию, где защищает в Кембриджском университете докторскую диссертацию.

Возвратившись в Индию, он выпускает несколько книжек стихов, где с гордостью говорит о древней культуре своей страны, которую так и не сумели по-настоящему оценить английские колонизаторы.

Перу Хариваншрая Баччана принадлежит более 20 поэтических сборников, которые выдержали по шесть-семь изданий. В Индии широко известны его прекрасные переводы русских и советских поэтов, произведений Шекспира, Омара Хайяма. Поэт занят также большой научной и преподавательской деятельностью. В нашей стране любят поэзию Хариваншрая Баччана, страстного борца за свободу своей Родины, замечательного лирика, друга Советского Союза.

ХАРИВАНШРАЙ БАЧЧАН

ПОЭТ И РОДИНА

Куда б меня крылья моей мечты
 ни унесли неожиданно,
 Индия, всюду со мною ты,
 в самых далеких странах.

Пусть на древе Желаний там
 плоды бессмертья прекрасны,
 по кисло-горьким твоим плодам
 я тосковал бы страстно.

Пусть звезды,
 висящие надо мной,
 там подарили мне бы —
 за горсть
 индийской земли родной
 я б отдал все звезды неба.

Пусть меня сделали бы божком,
 почитали, как солнце, —
 я б в Индии быть
 предпочел мотыльком,
 летящим на свет в оконце.

Пусть место там
 для меня б нашли
 на облаке в час заката —
 за бабочкой первой
 с родной земли
 умчался б я без возврата.

Пусть в руки
 мне дали бы сто огней,
 сверкающих беспечно —
 за светлячка отчизны моей
 я б отдал их моментально.

Пусть дали б воду
 небесной реки,
 как духу высшего ранга, —
 я все равно б
 изнывал от тоски
 по капле воды из Ганги.

В раю б грустил о крае родном,
 стонал, как узник в оковах,
 и только мечтал бы об одном:
 родиться в Индии снова!

Перевел с хинди
 Павел Железнов